

ПРИЖИЖЕНЕ
**ВИКТОР
КОРОТАЕВ**

КНИГА НОВЫХ
СТИХОТВОРЕНИЙ

1818739

Северо-Западное книжное издательство
1976

* * *

Россия, белая от снега
И золотая от сосны...
Следы последнего набега
Уже как будто не видны.
А столько темной хмари было
И горькой мглы наволокло...
Но все лазурью затопило
И белым снегом замело.
И над раздольем звучной рани,
Легко катясь во все концы,
Звенят в серебряном тумане,
Быть может, счастья бубенцы.
И, замирая в зябких сенцах,
С особым вкусом,
Не спеша,
Любому звуку вторит сердце
И откликается душа.

* * *

Затосковал по малой родине,
По белоствольному простору,
По перекастистой поскотине
И переливчатому бору.
Дождаться вёдра бы, подумавши...
Да опостылели в столице
Самоуверенные юноши,
Самовлюбленные девицы.
Пускай утешится заранее
И заиграет сердце снова,
Услышав в зале ожидания
Знакомый окающий говор,
Где мужики и бабы русские
Сидят себе на лавках, бают,
Как будто по проходу узкому
Друг дружке обручи катают.
Попригляжусь, подсяду рядышком,
Давая волю нетерпенью.
«Куда направилась-то, баушка?»
«Да ведь куда... К себе в деревню».
«А где стоит твоя деревня-то?»
«Да не особенно далёко...
Деревня наша недалёко —
У вашей, батюшко, под боком».
Узнала, старая, узнала!
«Ну, что ж, кажи, чего набрала».

«Да набралá добра немало,
Да все дорогой растеряла.
Зато полегче бегать стало,
Теперь лети домой со свистом...»

От вологодского вокзала
Я провожу ее на пристань.

Покрыв причал со всей шумихою,
Гудок растает в зябкой шири,
И берега расскажут тихие,
Чем без меня цвели и жили.
Моя земля — и стать, и силушка,
Любовь моя, тоска и зависть,
Я припаду к твоей осинушке
И навсегда уже признаюсь,
Что только здесь,
Где даль растворена,
Дано почувствовать душою,
Как эта маленькая родина
Соединяется с большою...

ПРИЕЗЖИЕ

Пóпили сперва чайку с вареньем,
Поглотали ранней синевы,
Подышали воздухом деревни,
Воздухом навоза и травы.

Поглядели в солнечные дали,
Поплевали с берега в ручей,
За день двои грабли поломали,
Поносили косу на плече.

Похлебали в праздник самогону,
Подразнили местных забияк,
У старухи древнюю икону
Выманили спьяну за трояк.

Помахали вслед каким-то птицам,
Овощью набили кошель...
И умчались хвастать сослуживцам,
Как шикарно отпуск провели...

* * *

Ну что, казалось бы, такого..
А я ликую и свечусь,
Едва услышу это слово
Совсем коротенькое — Русь.
И волны вновь отпрянут с мола,
И солнце двинется в обход,
А из раскатистого дола
Грозой и порохом пахнет.
Замрет звезда сторожевая —
И не постичь умом уже,
Какие связи оживают
И что творится там, в душе,
Что жизнь готов отдать задаром,
Когда, раздвинув берега,
Дохнут в лицо
Морозным жаром
Родные
Русские снега.

* * *

Сегодня вечер наособицу,
И в сборе все мои друзья.
Не хочется междуусобиться
С тобою, милая моя.
Налей-ка лучше рюмку хереса
Да притуши в ресницах синь.
А если шибко разогрелась —
Пойди на воздух,
Поостынь.
Взгляни на тихую околицу,
На золотые небеса —
И, может, снова в дом захочется
Поближе к нашим голосам,
Где мы шумим и встречу празднуем
За крымским солнечным вином,
Такие взрослые и разные,
И очень схожие в одном, —
Какими бы ни шли дорогами,
Мы чтили заповедь земли:
Чужого никогда не трогали,
Своих грошей не берегли.
Не пасовали перед нечистью,
Не оскверняли старины.
Таковыми только мы Отчеству
От века были и нужны.

Дружили с песнями народными,
Большое благо видя в том,
И если пьем вино сегодня мы,
То и за их бессмертье пьем.
Мы всё пройдем и всюду выстоим,
Хоть и посетуем с тоской,
Что так длинна
Дорога к истине,
И так недолог
Век людской.
И ты на всех нас, как на пасынков,
Пожалуй, нынче не гляди.
У всех у нас
Счастливых праздников
Не так уж много впереди.

НОЧНОЕ ПИСЬМО ВАДИМУ КУЗНЕЦОВУ

Вадим Петрович, что-то грустно, брат.
Не потому ль, что, медленно старея,
Идти вперед все горше и труднее,
И поздно поворачивать назад.
Судьбою не приучен я стонать,
Но что-то с каждым днем
В ней больше трещин,
Знакомых — уйма,
А друзей все меньше,
И это, право,
Больно понимать.
А так порою хочется опять
Застольем удалым развеять скуку
И снова попросить на дружбу руку,
И крепко
От души ее пожать.
Зачем же вновь отложены стихи?
В каком опять кружился хороводе?
Ведь силы предпоследние уходят
На сущие в итоге пустяки.
Неужто ждет меня такой удел,
Когда какой-то хлыщ,
Едва зевая,
В твою небрежно сторону кивает:
Что вот-де, мог,
Да сам не захотел.

Иначе мы устроены, мой друг,
И помним, где нужны
И где полезны.
Но ты прости:
Я тоже не железный,
Успел —
Поплакал в дружеский сюртук.
Мы не одним живем на свете днем,
Зато одной мечтой и верой дышим,
Веселых писем
По ночам не пишем,
Но и утрами
Тожe слез не льем.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На кручах, в парках, у вокзалов...
Железом, кровью и золой
Судьбина
Намертво связала
Солдат
С родимую землей.

Они ей жизнь завоевали, —
Она покой сынов хранит.
Тогда они
 на ней
 стояли, —
Теперь она
 на них
 стоит!

ЗАСУХА

Лихие времена
Увидены воочью:
Ложатся семена
В обугленную почву.
Горят вокруг леса,
Сама земля пылает,
И ужасом глаза
Пичугам застилает.
Но диву дашься —

ах! —

Едва увидишь рядом,
Как люди в городах
Спокойно дышат чадом.
Беда вокруг, беда!
А толки все о звездах.
И дети, как всегда,
Равняются на взрослых.
И как ни странно —

нет

Особенной печали.
Как сто,
Как двести лет —
На все один ответ:
Не то переживали!..

Но в ней не зря (пускай эпохе
От химикалиев корысть)
Давно все раки передохли
И пескари перевелись.

Бреду домой с тяжелым вздохом
И, натыкаясь на межу,
От зарослей чертополоха
Глаза невольно отвожу.

И в первый раз родному краю,
Где жить покуда суждено,
Спокойной ночи не желаю —
Ее не будет все равно.

* * *

За жизнь без компаса и весел,
За чаши браги пролитой
Мне прогулявшаяся осень
Досталась

 вместо золотой.

Но, кочевряжась,

 я не стану

Пред ней разыгрывать ханжу:
Сам вместо вышитых кафтанов
В пальто без хлястика хожу.
Поскольку осени обличье
Померкло в нимбе золотом,
То — как сермяжники — мы нынче
На равных встречу проведем.
Мы при остатней позолотце
Разделим —

 вылинявший пусть —

Под обанкротившимся солнцем
На двух персон
Последний груздь,
Надеясь,
Что в краю священном
Как с побратимом побратим
Еще при лучшем освещеньи
О лучших днях
Поговорим.

ОСЕННИЙ ГУЛ

Шумит осинник по-старинке,
Коровы хрумкают в логу.
Как опрокинутые кринки,
Темнеют копны на лугу.

Я примирен опять со всеми,
И снова еле дышит грудь.
И, может, самое бы время
Прилечь под холмик и уснуть.

Но позабудь себя, попробуй,
Когда послышится вдали
Тот угрожающий,
Недобрый,
Неукротимый гул земли.

Как будто там, в самой утробе,
Почувяв холод наконец,
Рычит в своей последней злобе
Июлем сваренный свинец.

* * *

И снова в лесу, как в светлице.
Пылает в брусничниках мох,
Над озером ранние птицы
Катают жемчужный горох.
А дали озерные зыбки,
А чуткие воды чисты.
Трепещут, как светлые рыбки,
На ивах прибрежных листья.
Над всем озарившимся краем,
В полнеба янтарно горя,
Ликует, резвясь и играя,
Совсем молодая заря.
А осень вовсю хороводит,
В рассветные трубы трубит,
По чистому золоту ходит,
На золоте пляшет и спит.
Летят дорогие убранства
И с левой и с правой руки.

...На фоне такого богатства
Какие мы все бедняки...

* * *

Опять подули северные ветры,
На крыше вновь захлопала доска,
И стали протяженной километры,
И стала обостреннее тоска.
Взойду с трудом и гляну с косогора,
И снова поразит знакомый вид:
Рябина у разбитого забора
До ниточки промокшая стоит.
За ней понуро тянется к опушке
Копытный след меж опустевших гряд,
Что, одиноко выйдя из конюшни,
Уже не возвращается назад.
Какая грусть над выдохшимся полем,
Над спинами ободранных ракет...
Смиранный лик далеких колоколен
Мелькнет

и впечатленья довершит.
Линялые клочки осенних пожен
И в прошлогоднем мусоре овраг...
Куда пойти?
Везде одно и то же.
Одно и то же:
Слякоть, дождь и мрак.
Но как ни одиноко над оврагом,
А торопиться незачем в отлет,

Когда за этим холодом и мраком
Тебя никто не помнит и не ждет.
Вовсю шумит и стонет холодина
И новыми разбоями грозит.
Но жизнь моя, как тонкая рябина,
Под ветром хоть и гнется,
А стоит.

* * *

Все казалось, что воет собака
Где-то там, за рекой неживой.
Долетал из тяжелого мрака
Одинокий и жалобный вой.

И, волнами катаясь по жести,
Бился ветер, о чем-то скорбя.
И душа застывала на месте
И с трудом приходила в себя.

И ужасные мысли теснились,
И давил несмолкающий гул:
Может, дети в лесу заблудились,
Может, пьяный в реке утонул.

Или это
Над жизнью собачьей
Верный пес
В бесприютную тьму
На могиле хозяина плачет,
Иль конец предвещает кому...

Было холодно, глухо и сыро —
Самый срок непроезжих дорог.
Как из потустороннего мира
Доносился какой-то гудок.

И, боясь разговаривать громко,
Не взирая на то, что пора,
Кроме, может, грудного ребенка,
Так никто и не лег
До утра...

ПРИРОДА

Рябины млели у колодца,
Звенел кузнечиковый луг,
Блаженно жмурились на солнце
Фиалки юные...

И вдруг

Легла трава,
Взметнулись воды,
Налился гневом небосвод...
Как будто вдруг
В душе природы
Произошел переворот.
Но скоро вновь она запела,
С лица сошла бесследно мгла:
Мгновенно, видимо, вскипела
И так же быстро отошла.
Не потрясла основ эпохи,
А все ж напомнила о том,
Что с ней бывают шутки плохи,
И лучше ладить с ней
Добром.

* * *

Уехал от знакомых и друзей
И рад, что из игры надолго вышел,
Что ветхий сеновал с дырявой крышей
Укрыл меня от сутолоки всей.
Вот полоса счастливая в судьбе!
Как раз пора дождей и бездорожий.
Ничто, ничто теперь не потревожит
Моих ночных раздумий о себе.
Достигнута намеченная цель,
Исполнено заветное желанье!

...Но ломится и лезет мирозданье
Сквозь каждую пробойну и щель...

* * *

В газете хвалят сенокосы
И небывалый намолот,
Но, видно, по привычке,
осень

Веселых песен
Не поет.
Березы молча смотрят в пруд,
Боятся вдруг спугнуть удачу.
А бабы если и поют,
То все равно как будто плачут.

Отгорел и потух лес над темной водой,
Ветер в чащу нагнал холодину.
А давно ли на пару
С корзинкой одной
Мы ходили сюда по малину.
Замыкались за нашей спиной ивняки,
Заливались на ветках синицы,
Мы ладошками пили рассвет из реки
И никак не умели напиться.
Запах тмина и меда стоял на версту,
Рдели яблоки красной погоды.
И сейчас до конца не истаял во рту
Привкус в воду склоненной смороды.
До сих пор и в глазах и в душе торжество,
Словно праздник гуляет повсюду.
Изо всех наших дней
Не забыл ничего
И вовек
Ни о чем
Не забуду.
Но и ты в суете городской не забудь
Вместе с запахом меда и тмина,
Как тогда на твою изумленную грудь
Осыпалась лесная малина...

* * *

Над полями песня колосится,
И звенит под жаворонком рожь.
Что же долго ты, моя синица,
Под ребром помятым не поешь?
Разве мало солнечного света
Вылито с лазоревых высот?
Золотой корзиночкой лето
Проскрипит

и скроется вот-вот.

И трава глуха,
И воздух тесен
Без надежды,
Веры

И любви.

Я который год не слышу песен
В потемневшей с этого крови.

Я который год уже не слышу
Откровений сердца своего...

Видно, и цветенье поздних вишен
Нынче не изменит ничего.

Неужели зря светило солнце
И сверкал под радугами пруд?

Те, которым в ведро

Не поется,

На морозе

Вряд ли запоют...

* * *

К берегу жметя осока,
Ходит кругами вода,
Где-то одна-одинок
В тучах блуждает звезда.
Пес ненакормленный лает,
К ночи наводит тоску,
Слышно, как ветер гуляет
По моему чердаку.
Слышно, как там, за паромом
Глухо шумит пережат,
Как у соседа за домом
Старые ели скрипят.
Стукнет бадья у колодца,
Треснет сучок у осин —
Каждый хлопок раздается
Резче, когда ты один.
Ветер всему в довершенье
Черную треплет ботву.
Только одно утешенье:
То, что я дома живу.
Счастье ли это иль бремя —
Поздно взывать к небесам:
Я предотлетное время
Выбрал для отдыха
Сам...

Ну вот, она пришла, рябиновая осень,
Пришла, прошелестев походкой молодой.
Торжественно горят ряды высоких сосен
Над тихой, как во сне, озерною водой.

И нет не озаренных листьями оврагов
И не пропахших свежим яблоком ночей.
И словно никогда здесь не было варягов,
Не раздавалось их заносчивых речей.

Просторней стала даль,
И небо стало выше,
Над полем тишина стеклянная звучит.
Земля не помнит зла,
Земля любовью дышит,
И все не может нас
Тому же научить...

БАЛЛАДА О ДИКОЙ ЯБЛОНЕ

Земля отходила сырая...
И юный один человек
Весной посадил у сарая
Корявый и хилый побег.
И рядом приладил опору,
И почву удобрил, как мог.
И в стройную яблоньку скоро
Развился невзрачный дичок.
И, глядя в окрестные дали,
Две близких души и живых
Бок о бок цвели
И не знали,
Кто более счастлив из них.
И яблоня помнит, конечно,
Как к ней из другого села
Впервые тропинкою вешней
Девчушка несмело пришла.
Запомнился меркнувший обод
Небес

и журчание струй,
И сбивчивый — в сумерках — шепот,
И первый — впотьмах — поцелуй.
Потом, объявляясь на свете,
Под той же листвою в росе
Хозяйские выросли дети,
Как яблоки, крепкие все.

А лето катилось за летом,
И пахарь светился лицом,
Когда нежно-розовым цветом
Ему присыпало крыльцо.
И яблоня тихая тоже,
Доверясь родимой душе,
Непризренной старости, может,
Поменьше боялась уже.
...Но ветер порывистый века,
Достигнув и здешних полос,
Свистя,

закрутил человека,

Сорвал,
Подхватил
И унес.
И бедное дерево редкий
Теперь не зорил, может быть.
Кому тут подвязывать ветки
Иль в стужу рогожей прикрыть?
И скоро от ветров расхожих,
От хлесткой
И жесткой воды
Потрескалась темная кожа
И горечь связала плоды.
У яблони вдовье терпенье,
Девичьи характер и стать,
Поэтому жутко паденье
Бывает ее наблюдать.
Она краснозорьям не рада,
Она безразлична к судьбе,
Коль неравнодушного взгляда
Не чувствует вдруг на себе.
И словно бы ей в утешенье
Вернулся сюда человек,
И было его возвращенье
Страшнее еще,
Чем побег.

Вошел он
Без лишнего звука,
Пропахший рублевым вином.
В каких-то ободранных брюках,
Каких и не носят давно.
И горькое пряча смущенье,
Беспомощен,
Худ
И устал,
Как будто под благословенье,
Он тихо под яблоню встал.
И вот они возле сарая,
Уже не скрывая печаль,
Глядят друг на друга,
Не зная,
Кто больше из них
Одичал...

* * *

Отцвел анис на ближней горке,
Пахнуло холодом с земли.
Первоначальные восторги
С сиренью вместе отошли.

Ознобным ветром стылой рани
Пронизан запад и восток,
Сгорели маки и герани,
Остался камень и песок.

Ни ясных дней, ни теплых ночек.
Скудна земелюшка, скудна...

Но для моих опорных точек
Как раз такая и нужна!

* * *

На громовом аэродроме
Гудят, вращаются винты,
Чтоб мир во всем его объеме
Открылся взору с высоты.
И вот она — с высот полета
Земля и деда, и отца,
Которой даже с самолета
Не видно края и конца.
Освещена лучами солнца,
Повита дымками легенд,
В болотных блещущих оконцах
И вензелях шоссейных лент.
Земля — широкий луг в разгоне
И тени слабые в лесу,
И это — словно на ладони —
Святое озеро внизу.
Во всем величии и славе,
Как будто всплыв со дна веков,
Сверкает в золотой оправе
Своих песчаных берегов.
А дальше, между ржавых кочек,
Под бывшей хвойною стеной
Реки усталой позвоночник
С заметной сверху кривизной.

Дивясь,
лечу над бурным веком,
Тревожно вглядываюсь вдаль.
Не заметет вовеки снегом
Ни радость эту,
Ни печаль.
Что будут в памяти вертеться
И застить влагою глаза...
Зачем же я
С моим-то сердцем
Опять полез на небеса!
Тянулся ввысь, почти пьянея,
Жил ожиданьем столько дней...
Оттуда, правда, все виднее,
Но не скажу, что — веселей.

* * *

Какая спокойная осень,
Какая прозрачная даль...
Налившимся к сроку колосьям
Минувшего лета не жаль.

Уснули стога на опушке,
Им снятся погожие дни.
И рыжик о старой кадушке
Блаженно вздыхает в тени.

Над полем пора золотая
Играет и медлит не зря:
Там долго звенит и не тает
Серебряный клик сентября.

Лишь в сердце и боль и досада,
Не в радость ему ничего,
Как будто в огне листопада
Сгорели надежды его.

* * *

Представлю тихую деревню.
В резных наличниках дома
Стоят, как будто терема.
Клубникой пахнет и вареньем
Да в лопухах собаки дремлют,
Урча на дальние грома.

Представлю солнечное утро,
Его сложившийся обряд,
Когда подойники гремят,
Коровы вдумчиво и мудро
Глядят на солнышко, как будто
Молитву древнюю творят.

Закат раскрасит в избах печи.
И, сократив былую прыть,
Мужчины сядут покурить
Да похвалить обычный вечер.
Что помянуть особым нечем
И невозможно позабыть.

А ночь настанет, вспыхнут звезды
Над зрелой зеленью садов,

Над темной свежестью прудов,
А над заречьем сенокосным
Засеребрится, дрогнув, воздух
Под звук серебряных ладов.

И сердце, словно в озареньи,
Прощальный чувствуя привет,
Сожмется горестно в ответ,
Едва в лазурном опереньи
Припомнит тихую деревню,
Какой давно на свете нет...

* * *

Вот и осыпается малина,
А давно ли, кажется, цвела.
Что-то ты, соседка Катерина,
Никуда не ходишь из села.
Или больно оводы лютуют,
Иль не отпускает дальше мать,
Иль себя, такую налитую,
Ты сама боишься расплескать...
Полно, Катерина Вячеславна,
Там тебе по грудь любой кусток.
Да ведь при опасности-то явной
Я уж поддержку за локоток.
Молодою, что ли, не бывала
И понять твоя не хочет мать,
Что малину возле перевала
Тоже надо вовремя собирать.
Так мелькают,
Так мелькают числа!..
Пахнет лето знойно и остро.
Ой, гляди, чтоб, девка, не прокисло
Налитое медвенью добро.
Тут подать рукою от овина.
Соберись скорее, соберись!
Может, нас
Хоть спелая малина
Натолкнет на правильную мысль.

СТАРАЯ ЖАЛОБА

«Отбилась от рук, непоседа,
Забыла про девичий стыд.
Не слушает старого деда,
Все встать поперек норовит.
А смотришь — одно бестолково,
Другое — и вовсе во вред.
Но стоит лишь выронить слово —
На все приготовлен ответ.
Дана им излишняя воляка.
Теперь не отымешь назать.
И ладят по-новому только
И строить,
И жить,
И плясать.
А все ли уж старое худо?
Вон храм —
Ровно божий сосуд.
Его — «златоглавое чудо»
Ученые люди зовут.
А прежние песни да сказки...
Припомнить — и то красота.
А праздники,
Свадьбы и пляски...
Да нонешним разве чета!
Так нет,
Все фырчит, будто ежик.

А чтобы послушать-то,
Что б1
Помене бы шишек-то, может,
Себе насадила на лоб».
В досаде старик безнадежно
Махнул напоследок рукой:
«Ведь их вразумить невозможно,
А мне уж пора на покой».
И вышел за двери сутуло,
Привычно в расчет не беря,
Что ты ему вслед хохотнула.

...Ах, как это, девочка, зря!
Сегодня мы молча у гроба
Утихшего деда стоим
И помним,
И чувствуем оба
И стыд,
И вину перед ним.
И ты, старика поминая,
Готовясь в серьезную жизнь,
Под бурными трубами мая
Раскаянья слез
Не стыдись.
И помни его назиданья.
Ведь в мире —
И счастья и зла —
Он кончил свое пребыванье,
А ты его
Лишь начала.

* * *

Под горой стоит домок,
Из трубы идет дымок.
Перед печкою старуха
Мирно стряпает пирог.

А на печке дремлет дед
Девяноста с лишком лет,
И у деда аппетиту
На пирог сегодня нет.

Дедко сверху говорит:
«Разве есть у бабки стыд?
Для нее, наверно, радость —
Мой пропавший аппетит».
Бабка ставит кочергу:
«Поболезновать могу.
А по экой вьюге
В лавку
Все равно не побегу».

«Сказанешь ты тоже, мать!
Ну, пошто тебе бежать?
Тут ползти и черепахе-то
Минут, поди-ко, пять».

Отложила пироги.
Буско замер у ноги.
Стало слышно, как у бабки
Заработали мозги.
«Вон слезал бы, чай-от пил.
Сам ведь стонешь: нету сил.
Экий век на свете прожил,
А ума не накопил».

Блюдом торкнула сильней,
Но забегала скорей,
Поворчала перед дверью
А потом уже —
За ней.

Дедко с печки слез, кряхтя:
«Ой, матаня...
Как дитя.
В календарь-то раз в неделю
Заглянула бы хотя».

Бабка с согнутой спиной
Входит.
Взгляд уже иной:
«Вот ведь, старая калоша!
Знал, что в лавке выходной».
Дед молчит. И потому
Бабка буйствует в дому:
«Только зубы-то вставные
И поскалить бы ему».

«Ладно, матка, не серчай.
Разливай-ка лучше чай.
Ну, подумаешь, смешинка
Подвернулась незначай».

* * *

Начинаются дожди!
Ну, теперь добра не жди.
Разом этакой порою
Солнце красное зальет,
Птицы тронутся в отлет,
Дали тучами закроет.
И потянет будто прелью
С наседающих высот.
Как всегда, через неделю
Все дороги развезет.
Берега расквасит скоро,
И в лесу намочит так,
Что пропахнет мухомором
Ельник весь и березняк.
Всех основ коснется порча:
Станут дни еще короче,
Ночи черные длинней,
Беспросветней,
Холодней.
Вот какие станут ночи!
И чем дальше,
Тем черней!
Полетят над косогорами
намокшие листья,
Лягут серые озера,
словно серые холсты.

Станет клен стоять непрямо
и под моросью дрожать,
По ночам с чего-то в рамах
станут стекла дребезжать.
Станет ветер жухлым травам
спины высохшие гнуть...
Что налево, что направо —
одинаковая муть,
Одинаковая блеклость,
одинаковая сырь.
Только так же издалека
будет виден монастырь.
Только так же будет ровно
сердце теплиться в груди:
Велика страна, огромна,
не везде идут дожди.
Только так же будут в двери
к нам стучаться на ночлег
Только так же будем верить,
что ненастье не на век.

МОЛИТВА ВЕКОВ

«И снова мор, и снова глад,
Округ разбои да пожары...
О господи,
Я виноват
И не бегу от вышней кары.

Ни воевод, ни пастухов
Не осеняет божья милость.
У мира, видимо, грехов
Опять чрез меры накопилось.

Пусть камни валятся, свистя,
На наши грешные седины.
Но, господи,
Не мучь дитя,
Оно пока ни в чем не винно...»

* * *

Вот человек, который для меня
Давно утратил прежнее значение,
Осталось лишь одно обозначенье —
Как дом без печки,
Печка без огня.
Откуда неприязненность такая?
Как сон ознобный вижу наяву!
Он запоем — я уши затыкаю,
Он засмеется — я почти реву.
Все раздражает в нем, и все гнетет,
Ничто не мило,
И ничто не любо:
И сомкнутый порой надменно рот,
И в гневе растопыренные губы.
В нем жизнь другая стынет, как гора.
Другие звезды бродят там ночами,
Далекие от нашего костра,
От нашей боли, веры и печали.
Я не ищу на нем каких-то пятен,
А лишь держусь угрюмо в стороне.

...Неужто так же я ему отвратен,
Как он уже давно противен мне...

* * *

Искать себя, как хлеба ищут!
Мечась и мучаясь, искать.
Как на ревущем пепелище
Детишек малых
Ищет мать.

Искать себя зимой и летом,
Средь всех ветров и непогод,
Как ищет малого просвета
Попавший в бурю
Самолет.

Искать, умнея понемногу,
Сбиваясь в сторону опять.
Нащупать верную дорогу.
Найти себя.
И не терять!

* * *

В душе, как в высосанной фляге.
Нет ни желаний и ни сил.
Листок исчерканной бумаги
Вконец тебя опустошил.
Ты пуст. Ты словно испарился.
Тебя не чувствует постель.

Но так пуста бывает гильза,
Отправившая пулю
В цель...

* * *

Не возведу напрасную хулу,
«Собаку» не навешаю на шею.
И мужичонку, спящего в углу,
Скорей не осужу,
А пожалею.
Ведь мир хорош, пока не нарочит...
Пусть выпьет — пьющий,
Пляшущий — попляшет,
Пусть охладевший к слову —
помолчит,
А пожелавший высказаться —
скажет.
И чтобы этот мир пока не дрях,
Не поддавался косности и фальши,—
Не брошусь урезать его в правах,
А помогу ему твориться
Дальше.
Не отведу от каждого беду,
Но по недоброй воле или силе
Ни на кого
Хулу
Не возведу.
Лишь на меня б опять не возводили...

НЕЗАБЫТОЕ

Обронили, не заметили,
Унеслись куда-то вдаль.
Радость вместе бы отметили,
А кому нужна печаль?

И, согнувшись,
С думой тяжкою
Привалишься к городьбе.
Лютик желтенький с ромашкою
Посочувствуют тебе.

А прохожий хрустнет камушком
И уйдет себе вперед:
Эка невидаль —
Иванушка
Над собою слезы льет...

* * *

Годы, годы, годики
Тикают, как ходики.

Сколько раз мальчишечкой
Я встречал денечки
Под еловой шишечкой
Гирьки на цепочке.
А когда однажды вдруг
Тиканье пропало,
Мама — вся сплошной испуг —
Ночки не сыпала.
Жар во мне и забытье.
Больно каждой клетке...
Только сделали свое
Горькие таблетки.
Снова мирно в стороне
Скрипнула телега,
И старательней вдвойне
Маятник забегал.
Циферблат опять блестит,
А под ним — не дряхлеть —
Та же шишечка висит,
Только что не пахнет.
Тик-тик-так —

Глядишь, у ног
Луч улегся на пол.
Тик-тик-так —
Через часок
Дождичек закапал.
И покажется опять,
Что под небом скудным
Вечно будут стрекотать
Надо мной секунды...

Что такое делается в мире?
Ведь вчера еще съедала грусть,
На душе лежали словно гири,
А сегодня
Снова веселюсь.

Но, шутя с подругой неразлучной,
Заволнуюсь, стоя над водой:
Что-то слишком жизнь благополучна,
Видно, перед новой бедой...

* * *

И как такое получилось,
И кто подумал бы, что вот
На сердце ранняя остылость,
Как ранний иней, упадет.
Надолго выпадет, надолго,
Пронижет мрамор и гранит
И травку звонкого восторга
В траву печали превратит.

Уже душа живет иначе —
Продута новым сквозняком,
От сладкой нежности не плачет
Перед воскресшим стебельком.
Ведь слишком долго, то и дело
Она, не в меру горячась,
Страстями ложными горела,
На зов неправедный неслась.

Но этим призрачным утехам
Бывает время и предел.
Сгорев, опали искры смеха
И голос — как закаменел.
Не слышен шум воды ночами,
Листва безмолвствует, рябя.

Погружена душа в молчанье
И осознание себя.

Она покамест не воскресла,
И все ж она свое возьмет.
Ей только стронуться бы с места,
Как по весне на реках лед.
Тогда она меня утащит
Под ливень счастья и беды.
Я продержусь опять сквозь чащи,
Напьюсь стремительной воды,
Вдыхая пахотную мякоть,
Горячим духом поперхнусь.

А научившись снова плакать,
Я и смеяться научусь.

ПУРГА

Шумит и воеет непогода,
Не помня суток и часов.
Почти не видно небосвода,
Людских не слышно голосов.
Теснее кровь,
И воздух глуше,
А за спиною воеет так,
Как будто ветер чью-то душу
Наматывает на кулак.
Ни огонька в содоме этом.
Лишь, неустанна и дика,
Над всем широким белым светом,
Зверея, властвует пурга,
По берегам гуляет шало,
Знобит и крутит полынью.

...И посреди земного шара
Я одинешенек стою...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Ну, вот и развязаны крылья,
И синь застонала в окне.
Чуланка, пропахшая пылью,
Теперь не по мне,
Не по мне!

Счастливо молюсь на Форуну.
И больше
На ласку твою
По дури
Не клюну,
Не клюну —
Я больше вообще не клюю.

А то, что мне был с увлеченьем
Преподан хороший урок, —
Так, может, хоть это ученье
Пойдет неученому впрок...

* * *

Не избежать обычной участи
Как ни раздумывай,

и впредь:

Непонятой любовью — мучиться,
Наветы подлые — терпеть.

Под изморосью взглядов пристальных,

Под зноем вызревшей вражды

Копать колодец вечной истины

В предчувствии живой воды.

Не удивляться, если снова ты

Получишь мерою за труд:

Восславят пот, обильно пролитый,

А в сам колодец

Наплюют.

И утешаться,

Что нашествие

Не вечно

Этих мрачных сил.

А, честно говоря,

Предшественник

И не такое выносил.

* * *

Не оглянусь,
Когда в наплывах света,
Взвивая пыль,
Дразня шальных собак,
По столбовой дороге трафарета
Промчится поэтический рысак.
И второпях — в горячке — слава богу,
Стремясь лихого всадника догнать,
Не заплещу отправиться в дорогу,
Не стану своего коня седлать.
Да, я всегда вставал на голос песни
И тоже не привык ходить в обход.
Но, видно, я с рожденья не наездник,
А самый заурядный пешеход.
И я уйду, притихший, молчаливый,
К реке,
К траве,
В вечерние луга,
Где сохнут обездоленные ивы,
Где мокнут одинокие стога.
Увижу, как вдали дрожит осинка,
Как снова собирается гроза,
Как под ногами мечется былинка —
И слово навернется,
Как слеза...

* * *

Прошедшие сквозь катакомбы,
Сквозь гарь и гомон большаков
Слова работают,
Как бомбы
У опытных подрывников.
Взрывной волной иных куплетов
Бросало в дрожь —

на смех и срам —

Самодержавные кареты
И стены тюрем и казарм.
Но есть слова с судьбой иною.
Те, словно ландыши, нежны,
Что под казарменной стеною
Душою доброй возвращены.
Готовясь к битвам и походам,
Хочу прожить наверняка
Счастливым сыном цветовода
И смелого подрывника.
Чтоб одолеть земного круга
Все горы, пади, берега
И ландыш вырастить

для друга,

И бомбу сделать

для врага.

* * *

Ничего уже не повернуть,
Мне судьбой назначен этот путь:

Через горы, пади, бурелом,
Надолбы, заносы — напролом!

Со звездой в завьюженной груди,
Как к причастью, к истине идти.

В страхе не повертывая вспять,
Под грозой и громом устоять.

Закусить разбитую губу —
И не клясть проклятую судьбу.

А в конце, в фанфары не трубя,
Оглядеть с улыбкою себя:

Вот, мол, хоть и с рожею рябой,
А отмечен собственной судьбой...

Лишь ожиданием живу.
И пусть сумел я,
Ухитрился,
Хлебнул тоски за жизнь свою,
Но как смеяться научился —
Так больше слез
Не признаю.
И в пору зреющих сомнений
О мнимой нужности своей
Я тверже говорю и злей:
«Не первый ты и не последний,
Терзаясь,
Бродишь среди людей.
Иди, иди навстречу жизни,
Мужай в работе и борьбе,
А будешь надобен Отчизне,
Так станешь нужен и себе».

* * *

Эх, бывало, собирался я скоро...
Только вспыхнет вдали небосвод
И зеленой звездой семафора
В путь-дорогу меня позовет.
Натяну на затылок панаму,
Посижу у родного огня,
Поцелую хорошую маму
И — простите, мадамы, меня.
Все равно — что Печора, что Волга,
Что телега и что самолет,
И не важно, куда и надолго ль,
Лишь бы только вперед и вперед!
...Вспоминаю минувшее свято,
Оседлав боковую скамью.
А вокруг молодые ребята
И галдят, и поют хриповато,
И смеются, и рвутся куда-то,
Повторяя наивность мою.
Пляшут так, что девчонки шалеют,
Смотрят так, словно черт им не брат.
И гитаре, как кошке, на шею
Нацепили малиновый бант.
И мурлычет она, и трезвонит
Про задумчивый край голубой,
И томится, и стонет в вагоне,
И меня зазывает с собой.

Я смотрю на мальчишек лукавых:
А, пожалуй, ребята, вы правы,—
Ваше счастье, быть может, и в том,
Что всегда вы легки на подъем.
И не зря, приглашая в дорогу,
Вы тревожите песней хмельной.
Я и сам собирался, ей-богу,
Напоследок потрянуть стариной.
Возражений особенных нету.
Между нами года — ерунда.
Я поеду!
Конечно, поеду.
Но сначала узнаю —
Куда...

ПО ЕНИСЕЮ

Суров и своенравен Енисей,
Могучи берега его и порты.
Над всей Сибирью,
Над Россией всей
Его и власть и слава распростерты.
Раздвинула в веках его вода
Надменные Саянские отроги.
А все же о высокие пороги,
Как дети,
запинаются суда.
Наш капитан — ну, что за существо:
Опасность ближе —
а лицо яснее.
Он уважает удаль Енисея,
Поскольку сам характером
В него.
И вот летит —
среди брызг
и облаков.
Перекрывает стон воды:
«Держитесь!»
И махом —
рраз!
Не капитан, а витязь.
Скакнул,
вдохнул,

гуднул —

и был таков.

И хочется забыть свои года,
Махнуть рукой на вечные вопросы,
Все бросить

и пойти к нему в матросы,

И не жалеть об этом никогда.

Но всё у нас —

пороги и труды —

Иное...

А счастливые порывы —

Они от озарившего обрыва

Высокого присутствия воды.

ПРАЗДНИК НА ПЕЧОРЕ

Будет все: и ночлег на соломе,
И любовь, и совет...

А пока

Не желают товарищи коми
Понимать моего языка.

Но потом согреваются чаем,
Задают за вопросом вопрос,
Старшим братом

меня величают

И, похоже,

Порою всерьез.

Обнимаются, врут, гоношатся.

Я с улыбкою слушаю их:

Старшим братьям

Нельзя обижаться

На проказы и шутки

Меньших.

Ведь не ради же славы комолой

Я готов, как сегодня, и впредь,

Распахнув на ветру свои полы,

Всех и ближних и дальних согреть.

Потому — как велось и ведется

На российской земле испокон —

Никакой холодок превосходства

Не касается наших сторон.

Спорим мы о боях и походах,
О превратностях разных дорог.
Где-то в прежних непонятых годах
Начинается наш диалог.

Терпеливо я слушаю снова
Полусвязный хмельной разнобой,
И по праву
Последнее слово
Оставляю —

к утру —

за собой.

И, напившись полночного чаю,
Я ложусь, ни о чем не скорбя.
И на тысячу лет ощущаю
И разумней
И старше себя.

* * *

Снега замели округу,
Ни звездочки на виду.
Я, видимо, снова к другу
Сегодня не попаду.
Синея, плотнеет сумрак,
И целый вечер опять
Средь развитых и разумных
Я вынужден прозябать.
Они не ругнутся с горя,
Не то, что рабочий люд,
Они не шумят, не спорят,
Не курят они, не пьют.
В душе их, наверно, тоже
Всегда благодать и тишь.
О темных рубцах на коже
Как с ними заговоришь?
У них никаких отметин,
У них никаких обид.
У них ни за что на свете
Душа не болит!

УСПЕХ

Звонили, слали поздравления,
Клялись, что нравится до слез.
Но шумной дружбы проявления
Его не трогали всерьез.
Он усмехался над тирадами:
«Они пока не знают, пусть...
Успехи поздние не радуют,
А увеличивают грусть.
Который раз людьми повторено
И судьбами подтверждено:
Все хорошо, когда все вовремя,
Когда не сквашено вино.
А столько сгублено, упущено,
Ушло, сгорело без следа...
Какая радость нынче Пушкину,
Что так взошла его звезда!»

И сам поникнул прядью русою
И оглядел банкетный зал.
Он думал так теперь и чувствовал
И так примерно и сказал.

Но поднимались тосты новые,
Вовсю кипело торжество.
И даже самые толковые
Уже не поняли его...

* * *

Живу еще так же расхоже,
В кипенье того же огня.
А все-таки очень похоже,
Что мало друзей у меня.
Пускай проповедуют строго,
Что высшая суть — не в гроше,
Я вижу:
Ни черта, ни бога
У них не осталось в душе.
И в пору решительных сроков,
Опять затевая бои,
Тревожусь, что слишком широко
Раздвинул границы свои.
И слишком, пожалуй, поспешно
От слишком натянутых жил
Свои основные надежды
Совсем не на тех возложил.
Одной лишь я правдой утешен:
Друзья не заменятся, нет,
Но чем их становится меньше,
Тем выше их слава и свет.
И все еще в жизни не поздно,
Была бы охота и впредь
Равняться на главные звезды
И светом высоким гореть.

ЮНЦЫ

Как им жилось вольготно и красиво!
И как по-детски,
Глядя сквозь народ,
Они у стойки бармену базили:
«Три по сто пятьдесят
И бутерброд».

Неслись по жизни,
Жали на педали,
Не признавали кочек и камней,
Напрасно мамы предостерегали,
Держаться умоляя поскромней.

Казалось, так несложно ладить с веком,
Когда талант, и ум, и сила есть.
Но камни,
припорошенные снегом,
И не с таких орлов сбивали спесь...

Он отрезвляет, этот лёт с откоса,
На прочность проверяя нашу кость.
Добро, что только погнуты колеса
И дело синяками обошлось.

Над миром ходят тучи громовые,
И даль дрожит от ядер грозových,
И взросло плачут дети,
И впервые
Отцы
Не успокаивают
Их.

* * *

Мы прожили лучшую пору,
Свои золотые деньки.
За легким, как дым, разговором
Поднялись на самую гору,
Срывая в пути васильки.

О чем только мы ни мечтали:
Гвоздикой пропахнуть насквозь,
Постигнуть высоты и дали,
Забыть все былые печали...

Что было возможно — сбылось.

За краткие эти недели
Мы видели лучшие сны,
В заветном открыться успели,
Что помнили — все перепели...

Теперь повторяться должны.

Гордились мы волей и силой,
Бесстрашно смотрели вокруг.

Все было по первости мило,
Да нас не надолго хватило...

И это мы поняли вдруг.

Но главное наше несчастье —
Что светлой и ясной порой,
Недоброй покорные власти,
Отсутствие истинной страсти
Прикрыли мы скучной игрой.

И нынче с простудною дрожью
С холодной пустой высоты,
Ругая в душе бездорожье,
Спускаемся хмуро к подножью,
Не глядя уже на цветы...

* * *

Последний раз болело сердце,
Когда, ведя свою игру,
Ты золотое полотенце
Мне подавала поутру.
Оно в руках моих горело,
И сладко верилось в любовь,
Хоть полотенце жгло мне тело
И холодило в жилах кровь.
Как скоро счастье убежало
За новым светом впереди.
Ах, почему я верил жару,
Не верил холоду в груди....
Кто нынче, вспыхивая сердцем,
Себе внушает впопыхах,
Держа в узорах полотенце,—
Что держит радугу в руках?
Пусть поглупит он вслед за всеми
Покружит в призрачном дыму,
Пока обманываться время
Еще отпущено ему.
А мне пора с судьбой стерпеться
И не копить пустых обид...
Последний раз болело сердце.

Да и теперь еще болит.

* * *

У нас не будет общего угла,
Рябиновки, припрятанной на случай...
Я собственной рукой спалил дотла
Хоромы своего благополучья.

Ты мне посулы глупые прости.
Я нежности еще не знал подобной,
Но жребий неудачника
Удобней
В суровом одиночестве
Нести.

То каторга нагрянувшей страды,
То замкнутость стыда и униженья,
Что несъедобны
Яркие плоды
С причудливых ветвей воображенья.
Пусть я негромко прожил двадцать пять,
Но слава богу,
Что в кровях российских
Есть неуменье
Счастье покупать
Безмолвными страданиями
Ближних.

И все ж томит меня вот эта тишь,
Предчувствие живет во мне, как залежь,
Что ты когда-нибудь мне все простишь,
Но ничего понять
Не пожелаешь...

* * *

Нет, не любила ты меня,
Хотя в речах твоих и было
В достатке ревности и пыла,
Сверх меры буйства и огня.
Все это выглядело мило,
Но не любила ты меня.

Когда порой мой дух слабел,
И немощь связывала тело, —
Как ты презрительно смотрела.
Ловила вроде на прицел.
И словом поддержать умела:
«Ах, как ты жалок и несмел!»

В былом томительная связь.
И понимаю я устало:
Ты только силу почитала,
Ты признавала только власть
И осуждала очень вяло
Эгоистическую страсть.

Теперь я сдержанней живу.
И то, что ты, играя бровью,

Именовала вслух любовью —
Я молча пыткой зову.
Нет, не из тяги к краснословью —
А, так сказать, по существу.

Теперь живу я хоть куда:
Спокойный труд, благие вести,
Беседы мирные о чести...
Ну, что же! Требуют года.
Разумно все и все на месте.
Да скука съела, вот беда!

* * *

Любуюсь твоей красотой...
В душе не осталось сомненья,
Что в жизни природы самой
Бывает пора вдохновенья.
Пройдя по морям и лесам
И встретив однажды — поверьте —
Бродяги
Таким вот глазам
Верны оставались
До смерти.

Пугаясь и жаждая встреч,
Скрывая к счастливицу зависть,
В глуши
Из-за этих вот плеч
Седые поэты спивались.

Не раз из-за ножек таких,
Что словно в тумане белели,
В столичных салонах франтих,
Как пунш, разгорались дуэли.

Но ты еще слишком юна
Для гордости и пониманья,

Как надó
Сквозь все времена
Такое нести достоянье.

Опять не горя, не любя,
В случайных объятиях млеешь.
О как я жалею тебя,
Когда ты себя
Не жалеешь.

* * *

Скорее несите меня, воронухи,
Звени, воркунец, под дугой.
Сквозь длинные версты тоски и разлуки
Мне светит лицо дорогой.
За эту улыбку
И глаз этих просинь,
За ангельский этот овал
Я дом позабыл,
Я товарищей бросил
И друга с дороги убрал.
Прикрою глаза — и любимая в сенях
Сидит, словно дремлет внаклон.
На крупных и крепких
тревожных коленях
Искрит в полумраке капрон.
Сейчас подкачу, будто громы обрушив, —
И солнце рванется в зенит,
И запах навстречу взметнувшихся кружев,
Как брага, меня охмелит.
И будут во тьме золотиться ресницы,
Качаться под окнами ель,
И комната медленно плыть и кружиться,
И ландышем пахнуть постель.
Не каркайте, вороны!
Врете вы, врете,
Что все превратится в траву.

В такой небывалой любви и заботе
Сто лет я еще проживу.
А если в кромешной полночи
спьяну,

От счастья не чуя беду,
На ревность и злобу
Наткнусь и не встану —
Я знаю,
За что пропаду...

* * *

Поборница железного режима,
В который раз внушает мне она,
Что в человеке главная пружина
Должна быть до конца заведена,
Чтоб сердце в буднях с самого начала
Не находило отдыху ни дня.

Ты, милая, с будильником случайно
Опять не перепутала меня?

Уже звенит твоя любая фраза,
Изрублены бегущей стрелкой дни.

Заведена пружина до отказа.
Смотри ж, в азарте не перетяни!

* * *

Всю жизнь мне будет нехватать
Твоих улыбок предвечерних,
Когда спадающая прядь
Скрывает их предназначенье;
И каблучков, что о гранит
Стучат, летя на чей-то вызов,
Необоснованных обид
И неоправданных капризов,
Весенних глаз и плавных рук...
Всего, всего, чем я извелся,
И без чего бы твой супруг
Спокойней, право, обошелся.

* * *

«Куда глаза твои глядели?
На что дана вам голова?!» —
Старуха ровно три недели
Бросала гневные слова.

Потом присела на порожек
И подвела итог всему:
«Все выбираете по роже,
А нет бы выбрать по уму».

Но где его, ума, набраться?
И неспроста притих жених:
Хоть самому едва за двадцать —
Сумел хозяином назваться,
Сумей и думать за двоих.

Я не могу похвастать стажем
И не силен в решеньи драм,
Я, к сожаленью,
слушать старших
Недавно выучился сам.

И в это смешливое утро,
Как в письмах недавних меж строк,
Сквозит,
Незаметный как будто,
Сквозит и сквозит холодок.

Лишь ты с беззаботностью милой,
Поняв, что исчерпан сюжет,
Себя без труда убедила,
Что войны бывают
Без жертв.

* * *

Не буди ты тоску
В присмирившей крови,
Не гляди за реку
И меня не зови.
Над высокой сосной
Затянуло окно,
Мы на праздник лесной
Опоздали давно.
И брусника была,
И черника была —
И черника сплыла,
И брусника сплыла.
Но в душе одинокой
Не тает досель
Озаряющий, легкий
Малиновый хмель.
Зря, головки клоня,
Волновались цветы,
Что в малиник меня
Уводила не ты.
Сквозь полуденный свет
Проступила звезда.
Ни раскаянья нет,
Ни — тем боле — стыда.
Не буди ты тоску
В зазвеневшей крови,

Не гляди за реку
И меня не зови.
Не лукавлю с тобой,
Потому и молчу:
Волчьих ягод с тобой
Собирать не хочу...

* * *

Опять уныло съедена крошка,
По рюмке молча выпито вина.
Угрюмо смотрит он в одно окошко,
Безрадостно в соседнее — она.

Вся жизнь прожита здесь как бы спросонок,
Без вдохновенья, воли, чувств и сил.
И даже этот рыженький чертенок
Не сблизил их
И не расшевелил.

А он кричит,
Поет,
Шумит от счастья,
Везде знаком,
Повсюду первый гость.
И все дивлюсь я:
Как от двух ненастий
Вдруг
Солнышко такое
Родилось!

* * *

Давно забытое волнение,
Давно знакомые черты...
И словно всё без измененья,
И я былой,
И та же ты.
Но память сразу не остудишь,
Она свое долдонит лишь:
Кричал —
 коварства не забудешь,
Стонал —
 измены не простишь,
Скрипел зубами —
 до могилы
Не знаешь больше этот дом.

Но столько дерзости и силы
В порочном облике твоём!

И что могу я ночью звездной,
Тоской и близостью палим?
Опять горят снега и сосны,
Как не горели десять зим.
Опять и робость, и смущенье,
И очарованность опять.

Душа не может долго мщением,
Как ртутным воздухом, дышать.
Простить — без лишних слов и шуток?
Уйти — не глянув на окно?

Зачем еще пытаться рассудок,
Ведь сердце выбрало давно...

* * *

Роса лежит на озими
Туманна и легка
И первыми морозами
Не пугана пока.

И под случайным солнышком
Среди остывших вод
Какой-то пароходишко
Нет-нет, да промелькнет.

Все круче ветры встречные
В приречной полосе,
И в роще птицы певчие
Замолкли,
Да не все.

И с грустной улыбкою
Я думаю опять,
Как это время зыбкое
Подольше удержать:
А вдруг
Нежданным козырем
Пройдет над полем хмель,

Иль над притихшим озером
Шальная грянет трель.

Пусть веточка потянется,
Посмотрится в окно...

Ведь все, что дальше станется,
Нам ведомо давно.

* * *

Я боюсь молчаливых людей:
То угрюмо они мне внушают,
Что рожденью великих идей
Я своей болтовнею мешаю,

То покажется: мой разговор
Их допек, и они, не болтая,
Наостренный на тещу топор
Поначалу на мне испытают.

Не пойду к ним на званый обед,
Пособляя в возможных границах
Светлым мыслям
Родиться на свет,
Черным замыслам
Не воплотиться.

САМОКРИТИЧЕСКОЕ

Загуляли мои друзья,
И, конечно, в отваге
Петушком подскочил и я
И отпробовал влаги.

Повалилась хамса из рук,
А еще с непривычки
Вся земля превратилась вдруг
Только в кочки да в тычки.

А наутро я вышел в мир
Без руля и без денег.
Из туманности,
Как буксир,
Выплывал понедельник.

Надо мной понеслись гудки.
Неожиданно стали
Грязью брызгать грузовики...
Все меня осуждали.

Лишь у бани какой-то дед, —
Видно, с опытным знаньем —
Пиво допил
И мне вослед
Посмотрел с пониманьем.

* * *

Боюсь душой увязнуть в горе,
Чтоб в нем не кануть навсегда.
Так расходившееся море
Хоронит шаткие суда.

Завидев тень дурного знака,
Лишь убеди себя разок,
Что за стеной воды и мрака
Навечно заперт горизонт.

Да усмехнись в смертельном споре
Над всемогуществом своим —
И больше не знать,
Что море
Еще бывает —
Голубым.

* * *

Когда меня заруют в землю,
Мир возмутится
И весной
На удивленье свежей зеленью
Воспрянет густо надо мной.

Живой цветок, горящий ало,
И тишину, и забытье —
Чего при жизни не хватало,
Подарит мне
После нее.

А вам в тиши прошепчут листья,
Как мне легко среди легких ив,
И вы откажетесь от мысли,
Что мир ко мне
Несправедлив.

* * *

Всего и дела на копейку:
До огорода

в выходной

Поднес какой-то бабке лейку
И полил грядку заодно.
Потом в обед от ресторана,
Поняв, что трудно им дойти,
Двух подгулявших ветеранов
Довез до дому по пути.
Не много, в общем, пролил пота,
Не лишка выработал сил.
Но там «спасибо» заработал,
А тут улыбку заслужил.
И целый день ходил довольный,
От счастья высунув язык,
Как будто эти колокольни
В былых столетях
Я воздвиг.
И пусть мне снова обормоты
Твердят с ухмылкой — «старо».
Но нет приятнее работы,
Чем людям приносить
Добро.

* * *

Гляжу спокойно за ворота —
И мысли ровны и просты.
Меня опять спасла работа
От мелких дрызг и суеты.
Как далеко все это стало:
Хорош — несносен,
Мил — не мил...
«Ах, он измял мне покрывало!»
«Ах, он мне снова нагрубил!»
А тут начнешь денек с зарядки:
Возьмешь увесистый колун,
Часок-другой —

и все в порядке,

До завтра весел, свеж и юн.
Землицы вволю покопаешь,
Десятый, может, спустишь пот.
Она силенку выпьет, залежь,
Но в душу радости нальет.
И время так неслышно тает
В труде, покое и тепле,
Что незаметно наступает
Черед рубанку и пиле.
А там пора и за похлебку.
Пусть — а час опять прошел.
И время взять бумаги стопку,

Взболтать чернила —
И за стол.
Но жизнь пера уже подпольна...
А мне, унявшему запал,
И этой милости довольно,
Что день
Напрасно не пропал.

• • •

Луна замерла над рекой,
Росинка застыла на жести...
Над миром глубокий покой.
Так что же душа не на месте?
Тепла и удобна кровать,
Не скрипнет нигде половица.
Так что же,
Так что же опять
Нам лунною ночью не спится?
Как будто налажена жизнь,
Устроена всякая малость,
И страсти давно улеглись,
И чувства давно устоялись.
Зачем же опять, как на грех,
Прошедшим и воды, и трубы,
Нам слышится девичий смех
И светятся девичьи губы?
Неужто за весь этот срок,
Что стужею мучил
И жегся,
Тот юный чудной василек
Меж ребер еще не задохся?
Мы горькие знали хлеба,
Прошли мы такую науку...
И все же спасибо, судьба,
За позднее счастье и муку.

Все больше седин у виска,
Все чаще гудит поясница.
И все же... И все же пока
Нам в лунные ночи не спится!

* * *

Запою в любое время года,
Лишь почую нужную волну.
Но оцепеневшая природа
Предвещает сердцу
Тишину.

Я не воздеваю к небу руки,
Не хлещу сельповскую в глуши,
Но не назову тоскливой муки
Этого бесплодия души.

И, моля добра для всякой твари,
Всем дурным прогнозам вопреки,
Свято жду,
Когда в меня ударит
Золотая молния строки.

СОДЕРЖАНИЕ

«В годину бурь и тяжкого раздора...»	3
«Россия, белая от снега...»	5
«Затосковал по малой родине...»	6
Приезжие	8
«Ну что, казалось бы, такого...»	9
«По старой памяти и дружбе...»	10
«Сегодня вечер наособицу...»	12
Ночное письмо Вадиму Кузнецову	14
Братские могилы	16
Объяснение с другом	17
«В июльской ночи есть своя печаль...»	19
Зной	20
Засуха	21
«Бессонницей — недобр и страшен...»	22
«За жизнь без компаса и весел...»	24
Осенний гул	25
«И снова в лесу, как в светлице...»	26
«Опять подули северные ветры...»	27
«Все казалось, что воет собака...»	29
Природа	31
«Уехал от знакомых и друзей...»	32

«Не радостно поздне-осеннее утро...»	33
«В газете хвалят сенокосы...»	34
«Отгорел и потух лес над темной водой...»	35
«Над полями песня колосится...»	36
«К берегу жметя осока...»	37
«Ну вот, она пришла, рябиновая осень...»	38
Баллада о дикой яблоне	39
«Отцвел анис на ближней горке...»	42
«Ревет бульдозер...»	43
«На громовом аэродроме...»	44
«Какая спокойная осень...»	46
«Представлю тихую деревню...»	47
«Вот и осыпается малина...»	49
Старая жалоба	50
«Под горой стоит домок...»	52
«Начинаются дожди!..»	54
Молитва веков	56
«Вот человек, который для меня...»	57
«Искать себя, как хлеба ищут...»	58
«В душе, как в высосанной фляге...»	59
«Не возведу напрасную хулу...»	60
Незабытое	61
«Годы, годы, годики...»	62
Конец новогодней елки	64
«В предреканья верую не шибко...»	66
«И как такое получилось...»	68
Пурга	70
Освобождение	71
«Не избежать обычной участи...»	72

«Не оглянусь, когда в наплывах света...»	73
«Прошедшие сквозь катакомбы...»	74
«Ничего уже не повернуть...»	75
К дню рождения	76
«Эх, бывало, собирался я скоро...»	78
По Енисею	80
Праздник на Печоре	82
«Снега замели округу...»	84
Успех	85
«Живу еще так же расхоже...»	86
Юнцы	87
«Скорей бы день прошел...»	89
«Мы прожили лучшую пору...»	91
«Последний раз болело сердце...»	93
«У нас не будет общего угла...»	94
«Нет, не любила ты меня...»	95
«Любуюсь твоей красотой...»	98
«Скорее несите меня, воронухи...»	100
«Поборница железного режима...»	102
«Всю жизнь мне будет нехватать...»	103
«Куда глаза твои глядели...»	104
Примирение	106
«Не буди ты тоску...»	108
«Опять уныло съедена крошка...»	110
«Давно забытое волнение...»	111
«Роса лежит на озими...»	113
«Я боюсь молчаливых людей...»	115
Самокритическое	116
«Боюсь душой увязнуть в горе...»	117